

Цзи Сяошу как раз заканчивала работу, держа в руке синюю холщовую сумку, и выглядела как школьница, только что вышедшая с дополнительных занятий. Увидев Лу Люкуна в машине, она поздоровалась:

— Господин Лу, закончили работу?

Лу Люкун даже не поднял головы:

— Угу.

Он не до конца поднял стекло, оставив его наполовину открытым для вентиляции. В руках он держал чёрный виниловый диск, внимательно разглядывая его. Цзи Сяошу мельком взглянула, не понимая, что интересного в этом тёмном кружке, и спросила:

— Господин Лу, что за диск?

Лу Люкун ответил:

— Классическая музыка.

Цзи Сяошу уже собиралась начать льстить:

— Оказывается, наш руководитель любит классическую музыку, какой у вас изысканный вкус, не то что у нас, простых смертных... А?

Лу Люкун поднял диск, серьёзно демонстрируя его:

— Как думаешь, это диск коллекционного уровня?

Цзи Сяошу:

— ...А?

Она вытерла пот со лба:

— Ха-ха, господин Лу, вы так эрудированны, оказывается, бывают и коллекционные автомобильные диски, ха-ха-ха.

Когда Цзян Юй открыл дверь машины, Лу Люкун лежал на сиденье с закрытыми глазами. Со школьных времён он всегда сидел с прямой осанкой, от кончиков волос до подошв обуви излучая аристократизм. Сейчас, отдыхая в машине, он снял пиджак, и его рубашка облегла фигуру, подчёркивая линию талии. Руки он сложил на животе.

— Напоминал средневекового герцога, спящего в гробу, наполненном лилиями, как в театральной постановке или косплее.

Цзян Юй, увидев тёмные круги под глазами Лу Люкуна, которые не сгладились бы даже после прикладывания яйца, тихонько закрыл дверь и, не желая его беспокоить, устроился на сиденье, свернувшись калачиком, и начал играть на телефоне.

Лу Люкун задержал дыхание.

Примерно через полминуты он притворился, что проснулся, приоткрыл глаза и, повернув голову к Цзян Юю, спросил:

— Ты поел?

Цзян Юй ответил:

— Сыт и доволен.

— Сыт и доволен? — Лу Люкун взялся за руль, его голос был ровным. — Тогда пойдём в кино?

Между сытостью и походом в кино не было прямой связи, и господин Лу, агент, менял темы слишком быстро. Цзян Юй, сбитый с толку, выпрямился и спросил:

— В кино? Ты приглашаешь меня в кино?

Он имел в виду: может быть, ты хочешь посмотреть какой-то фильм, но не с кем пойти, поэтому и решил позвать кого-то.

— В школе и университете среди друзей такое часто происходило, ничего особенного. Хотя они с Лу Люкуном не были близкими друзьями, но, живя вместе, если Лу Люкун хотел посмотреть фильм, Цзян Юй, конечно же, согласился бы, если только это не был бы ужастик.

Лу Люкун, очевидно, не думал так просто. Он крепче сжал руль и холодно сказал:

— Нет.

Он опустил глаза:

— Недавно вышел фильм, как раз снятый режиссёром Ли. Я хочу, чтобы ты ознакомился с его последними стилями и предпочтениями, это может помочь на пробах.

Режиссёр Ли Вэньбинь был тем, кто снимал сценарий, который выбрал Цзян Юй.

— Значит, всё ради карьеры. Я уж подумал, что ты изменился. — Цзян Юй пристегнул ремень безопасности. — Ладно, посмотрим. Хотя я уже смотрел его старые фильмы, чтобы понять стиль, но они всё же старые, лучше посмотреть что-то новое.

К сожалению, оказавшись в кинотеатре, Цзян Юй пожалел о своём решении.

Это действительно оказался фильм ужасов.

Фильм назывался «Проклятие: Заклятие», и тот, кто придумал название, был настоящим гением, объединив сразу два хита: «Проклятие» и «Заклятие». Неизвестно, будут ли Каяко и Аннабель искать режиссёра Ли ночью, чтобы предъявить претензии, но Цзян Юй, глядя на постер с огромными чёрными глазами, невольно почувствовал себя неуверенно.

Если бы сейчас с ним были Ли Баобао или Чжан Инцай, Цзян Юй бы развернулся и ушёл. Но перед Лу Люкуном он хотел сохранить лицо, поэтому, сделав вид, что всё в порядке, он потянулся к телефону Лу Люкуна:

— Ты купил билеты, где мы сидим?

Лу Люкун указал на два места, и у Цзян Юя потемнело в глазах.

Китайские фильмы ужасов обычно не очень популярны, и кинотеатр был заполнен лишь несколькими парами, ищущими острых ощущений. Лу Люкун выбрал места, где вокруг никого

не было.

— Почему именно здесь?

— Потому что я не люблю тесноту.

Цзян Юй:

— ...

Господин Лу, агент, не проявлял ни капли сочувствия к подчинённому. Он спокойно взял билеты и, обернувшись к Цзян Юю, спросил:

— Ты будешь попкорн?

Цзян Юй:

— ...

Его настроение было весьма странным, он скрипя зубами ответил:

— Буду. Большую порцию. И ещё колу, тоже большую.

Чтобы сохранить лицо перед отличником, Цзян Юй героически решился на подвиг, держа колу, как будто это была погребальная табличка. Когда подошло их время, Лу Люкун нашёл места в тёмном зале, и Цзян Юй сразу же развалился на кресле, стараясь изобразить, что ему не страшно.

Когда все огни погасли и золотой дракон Управления по делам радио, кино и телевидения появился на экране, мышцы Цзян Юя напряглись до предела, и его полулежащая поза превратилась в позу зомби.

Через две минуты после начала фильма Цзян Юй начал пододвигаться к Лу Люкуну.

Через три минуты он взял попкорн себе на колени.

Через пять минут его рука, держащая колу, начала дрожать.

Лу Люкун:

— ...

Он спросил:

— Тебе страшно?

Цзян Юй, как кошка, наступившая на хвост, сразу же взорвался:

— Что? Нет, конечно! Кто я такой? Я всегда спокоен, даже когда опаздываю или прогуливаю. Как я могу бояться этой ерунды?

Лу Люкун промолчал.

В следующую секунду прекрасная девушка-призрак с ярко-красными губами внезапно выскочила из-за двери, изящно совершив эффектный поворот и обнажив клыки. Цзян Юй

вздрыгнул и, перескочив через подлокотник, схватился за руку Лу Люкуна.

Теперь всем стало очевидно, что он нервничает.

Лу Люкун вздохнул:

— Ты ещё смотришь?

— Смотрю. — Цзян Юй чуть ли не втиснулся в кресло Лу Люкуна, упрямо заявив:

— Мне нечего бояться. Китайские фильмы ужасов всегда имеют плохую репутацию, как они могут меня напугать?

Лу Люкун:

— ...

Он попытался высвободить правую руку, но Цзян Юй держался крепче. Лу Люкун сдался и протянул ему левую руку, вздохнув:

— Дай мне попкорн, тебе неудобно держать его в руках.

Цзян Юй дрожащей рукой передал попкорн.

Прошло ещё десять минут.

Лу Люкун, смирившись, похлопал его по руке:

— Может, пойдём?

Голову можно снести, кровь пролить, но образ материалиста нельзя разрушать — это осознание, достойное преемника коммунизма!

Цзян Юй, упрямо выпрямив шею, механически повторил:

— Мне не нужно!

Лу Люкун:

— ...

Он схватил Цзян Юя за руку и, с силой вытащив его из кресла, сказал:

— Ладно, это я боюсь. Пошли.

Дрожащий бывший хулиган покорно позволил своему агенту вывести его из кинотеатра.

Даже выйдя из зала, Цзян Юй ещё не пришёл в себя.

Он сделал несколько глотков колы, прежде чем немного успокоился.

Лу Люкун стоял перед ним, и Цзян Юй даже не решался посмотреть на его лицо, лишь украдкой взглянул на отражение в стекле стойки. Господин Лу выглядел растерянным, его глаза были пусты, как будто он думал: «Неужели ты боишься призраков?»

Цзян Юй закрыл лицо руками, думая, что он совсем спятил, согласившись пойти в кино. Но, вспомнив, что Лу Люкун заплатил за билеты и попкорн, а он ничего не получил от просмотра, Цзян Юй почувствовал себя виноватым и спросил:

— Я помешал тебе досмотреть фильм. Давай я заплачу за билеты?

— Ты заплатишь? Не надо.

Цзян Юй почувствовал себя ещё более неловко. Он был человеком с тонкой кожей в таких вопросах и, желая восстановить свой пошатнувшийся имидж, поспешно сказал:

— Эй, это не очень правильно.

— Ты мой артист, я трачу на тебя деньги. Что в этом плохого?

Цзян Юй:

— ...

Он действительно начал подозревать, что у господина Лу есть проблемы с восприятием, полностью путая понятия «спонсор» и «агент».

Он догнал его:

— Тогда давай пополам?

— Когда они впервые ели в «Чуюнь Юэду», Цзян Юй тоже предлагал разделить счёт.

«Трижды не повторяй», — подумал Лу Люкун и окончательно остановился:

— Ты так хочешь разделить счёт?

Цзян Юй подумал, что это вообще ни к чему. Лу Люкун был настолько беден, что даже не мог позволить себе диетолога, и, как человек с высоким эмоциональным интеллектом, Цзян Юй, конечно же, не хотел зря тратить его деньги. Поэтому он прямо сказал:

— Нет, просто я думаю, что мы пошли в кино, и я помешал тебе посмотреть фильм.

На первую часть фразы Лу Люкун не отреагировал, но на вторую его брови явно нахмурились.

— Очевидная вежливость и отчуждение.

Цзян Юй был в замешательстве:

— Что опять не так?

<http://bllate.org/book/16317/1472310>